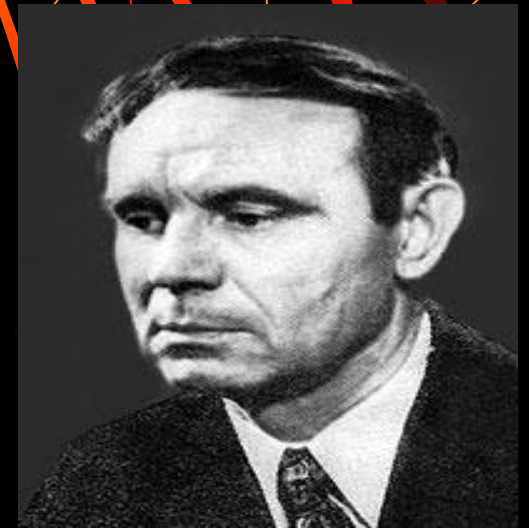
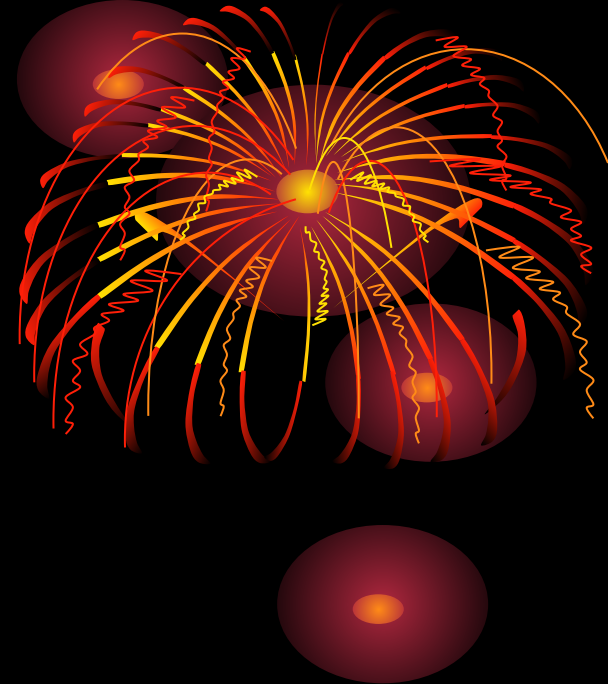

Константин Воробьев

Война – это есть одна из
величайших кощунств над
человеком и природой!

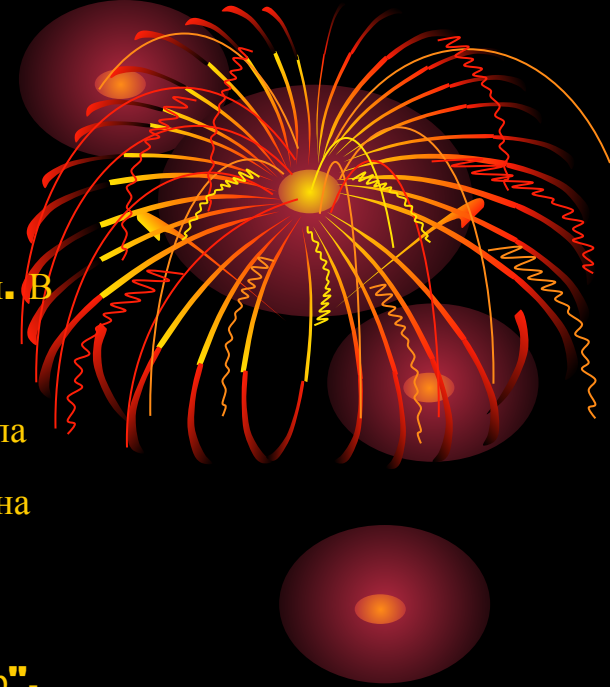
А.С. Пушкин

- Константин Воробьев родился **24** сентября в **1919** в деревне Нижний Реутец Курской области. Незадолго до Великой Отечественной после службы в армии был зачислен в роту кремлевских курсантов. Спустя многие годы в **1963** году в “Новом мире” будет напечатана повесть “Убиты под Москвой”, начинающаяся словами: “Рота кремлевских курсантов шла на фронт...”... В этой роте был и лейтенант Воробьев. В первом же бою, под Клином, погибли почти все. Константин Воробьев попал в плен и оказался в фашистском концлагере в Литве

В **1943** Воробьев бежал из лагеря и организовал партизанскую группу, которая вошла в состав крупного партизанского соединения. В том же году, находясь в фашистском тылу, Воробьев написал свою первую повесть "Дорога в отчий дом", опубликованную под названием "Это мы, Господи!". В послесловии к современным публикациям повести читаем: «Повесть была написана, когда группа партизан, сформированная из бывших военнопленных, вынуждена была временно уйти в подполье. Ровно тридцать дней в доме № **8** на улице Глуосню в литовском городе Шяуляй писал Константин Воробьев о том, что довелось ему пережить в фашистском плену. Писал неистово, торопясь, зная что смертельная опасность рядом и надо успеть.

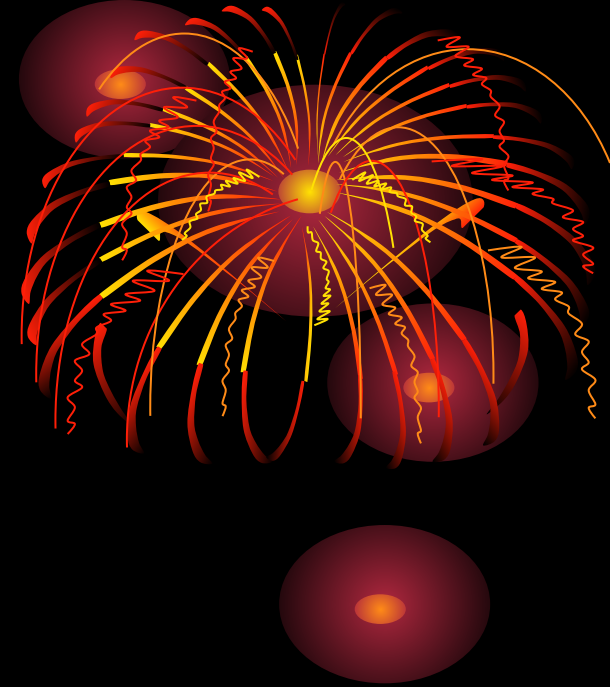
В **1946** году рукопись поступила в редакцию журнала "Новый мир". Поскольку автор представил лишь первую часть повести, вопрос о публикации был отложен до тех пор, пока не появится окончание. Однако вторая часть так и не была написана. В личном архиве писателя повесть целиком не сохранилась, но отдельные ее фрагменты вошли как законченные и художественно осмысленные отрывки в некоторые другие произведения.

- **ВОРОБЬЕВ КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ.** Родился 24 сентября 1919 в Курской обл. в многодетной крестьянской семье.
- В 1937 переехал в Москву, окончил вечернюю школу и стал сотрудником заводской газеты. Находясь на срочной службе в армии (1938–1940), сотрудничал в армейской газете. По возвращении из армии некоторое время работал в газете Военной академии им. М.В.Фрунзе, затем был направлен на учебу в Высшее пехотное училище. В 1941 Воробьев вместе с другими кремлевскими курсантами защищал Москву. Под Клином попал в плен и оказался в фашистском концлагере в Литве. В 1943 бежал из лагеря и организовал партизанскую группу, которая затем вошла в состав крупного партизанского соединения. В том же году, находясь в фашистском тылу, Воробьев написал свою первую повесть *Дорога в отчий дом* (опубл. в 1986 под названием «Это мы, Господи!»). В повести описаны страшные события, которые пришлось пережить автору: фашистский застенок, концлагерь, расстрелы товарищей.
- Умер Воробьев в Вильнюсе 2 марта 1975. Посмертно удостоен премии Александра Солженицына.

- Стояла утренняя тишь,
- Был смешан с медом воздух сочный,
- Стекала капельками с крыш
- Роса по трубам водосточным.
- Как где-то радио в дому
- В июньский этот день вступало
- Еще не с тем, о чем ему вещать
- России предстояло.
- **22** июня **1941** года началась ВОВ.

Так получилось, что на целых сорок лет рукопись исчезла из поля зрения редакций и читателей. Лишь в **1985** году она была обнаружена в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР, куда была в свое время сдана вместе с архивом "Нового мира".

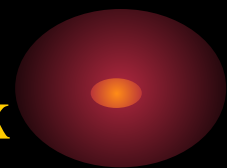
Материал повести автор предполагал использовать в своей будущей книге, главной для него, которую он задумал как продолжение повести "Крик". Написанная предельно просто и точно, новая книга, по словам Константина Воробьева, должна была стать "кардиограммой сердца". Автор предполагал дать ей заголовок "Это мы, Господи!", хотя в архиве писателя имеются и другие варианты названия».

В **1946** году Воробьев отправил повесть «Это мы, Господи!» в «Новый мир», в архиве которого она и пролежала почти сорок лет и была опубликована только в **1986** году в журнале «Наш современник». Через **11** лет после смерти писателя.

О чем бы думал я?

Сраженный вражеской гранатой,
О чем бы думал я в тот миг,
Когда лежа в ромашках смятых
Последний раз смотрел на них?

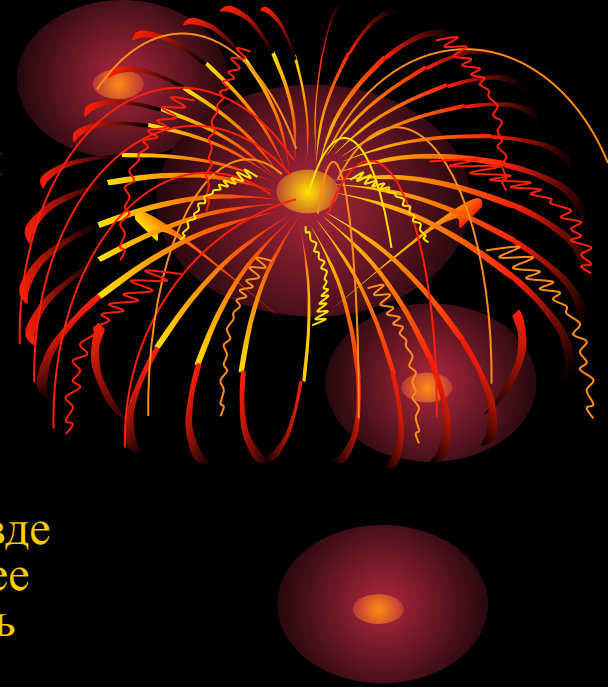

Воробьев Константин:
«Я не требовал наград за свои дела»

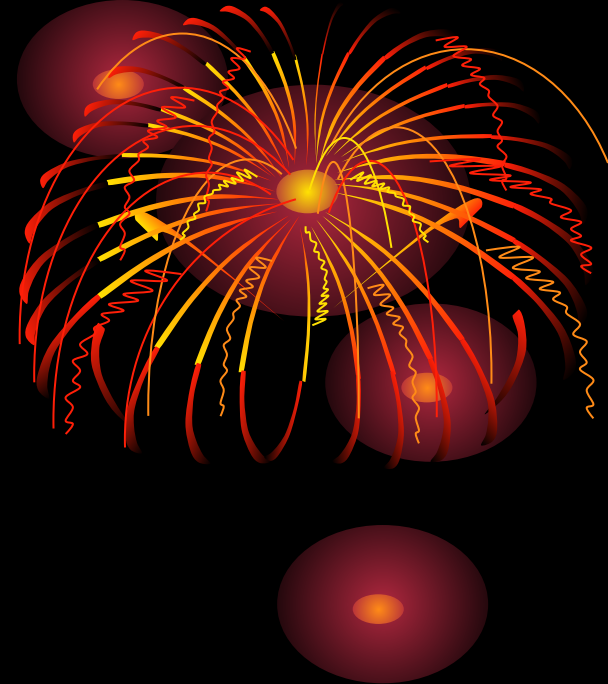

Игорь Золотуский, выступая в апреле **2001** года в Доме русского зарубежья на церемонии награждения лауреатов Литературной премии Александра Солженицына, сказал о Константине Воробьеве: "Проза Воробьева саднит и жжет, как открытая рана, и жжение ее не утихает с годами, хотя ужасы прошлого отступают в вечность. Судьба рассчитывала на него как на очевидца и лучшего свидетеля найти бы не смогла".

- В **2001** году Константин Воробьев посмертно был удостоен Литературной премии Александра Солженицына вместе с земляком – Евгением Носовым. Александр Солженицын сказал о них: "Через жизни и литературные труды Константина Воробьева и Евгения Носова, уроженцев Курской земли и невдали друг от друга, — Великая война пролегла несмываемыми, многопоследственными полосами.", их «произведения в полновесной правде явили трагическое начало Великой войны, ее ход, ее последствия для русской деревни и позднюю горечь пренебреженных ветеранов".
За Константина Воробьева премию получили его дети - Сергей и Наталья Воробьевы. Наталья Константиновна сказала, что эта награда - единственная в литературной судьбе ее отца.

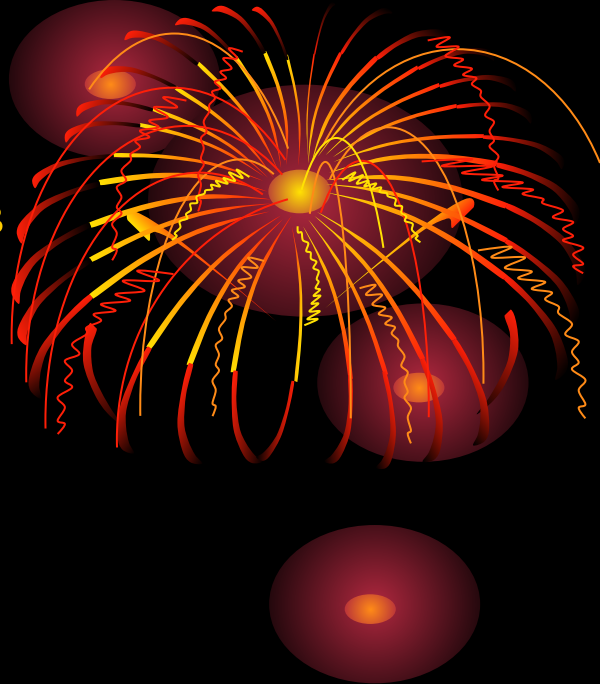
- Начал работать в сельском магазине, где платили хлебом, в **14** лет, чтобы спасти семью от голодной смерти. Окончил сельскую школу, учился в сельскохозяйственном техникуме в Мичуринске. Окончил курсы киномехаников и вернулся в родное село.
- В **1935** году В **1935** году работал в районной газете литературным сотрудником. Написал антисталинское стихотворение «На смерть Куйбышева» и, опасаясь доносов, уехал к сестре в Москву В **1935** году работал в районной газете литературным сотрудником. Написал антисталинское стихотворение «На смерть Куйбышева» и, опасаясь доносов, уехал к сестре в Москву. В Москве работал в редакции газеты «Свердловец». Учился в вечерней школе.
- В октябре **1938** года В октябре **1938** года был призван в Красную Армию. Служил в Белорусском военном округе. Работал в армейской газете «Призыв». По окончании службы в декабре **1940** года работал литературным сотрудником газеты Академии Красной Армии им. Фрунзе, откуда был направлен на учёбу в Московское Краснознамённое пехотное училище имени Верховного Совета РСФСР

1933 - 1934
KONSTANTIN
VON CHLOVIA

1935 - 1936
KONSTANTIN
VON CHLOVIA

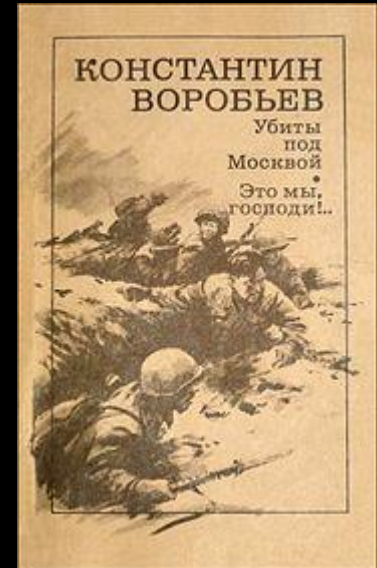
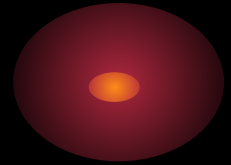
Под Клином Под Клином в декабре **1941** года контуженным лейтенант Воробьёв попал в плен и находился в Клинском, Ржевском, Смоленском, Каунасском, Саласпилсском, Шяуляйском лагерях военнопленных (**1941** Под Клином в декабре **1941** года контуженным лейтенант Воробьёв попал в плен и находился в Клинском, Ржевском, Смоленском, Каунасском, Саласпилсском, Шяуляйском лагерях военнопленных (**1941—1943** Под Клином в декабре **1941** года контуженным лейтенант Воробьёв попал в плен и находился в Клинском, Ржевском, Смоленском, Каунасском, Саласпилсском, Шяуляйском лагерях военнопленных (**1941—1943**). Дважды бежал из плена. В **1943** Под Клином в декабре **1941** года контуженным лейтенант Воробьёв попал в плен и находился в

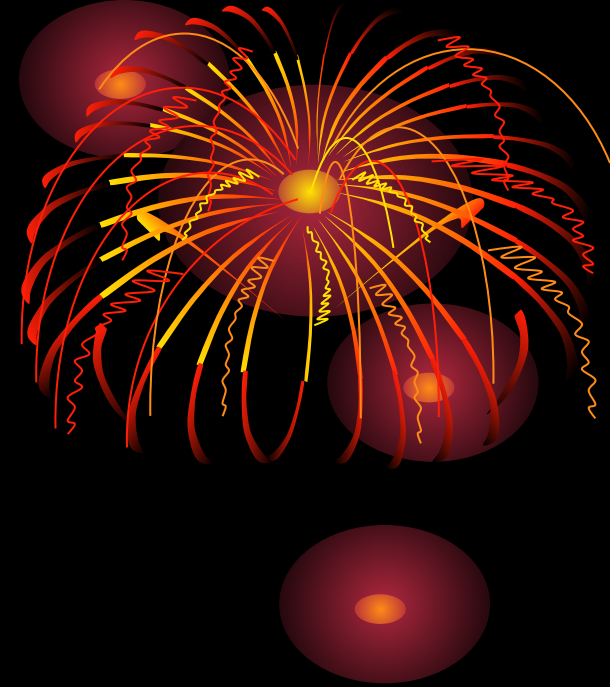
В **1946** году рукопись повести была предложена журналу «Новый мир», но публикация её не состоялась. В личном архиве писателя повесть целиком не сохранилась. Лишь в **1986** году она была обнаружена аспиранткой Ленинградского Государственного педагогического института Ириной Владимировной Соколовой в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ), куда она была сдана в своё время вместе с архивом «Нового мира». Впервые повесть была опубликована в журнале «Наш современник» в **1986** году.

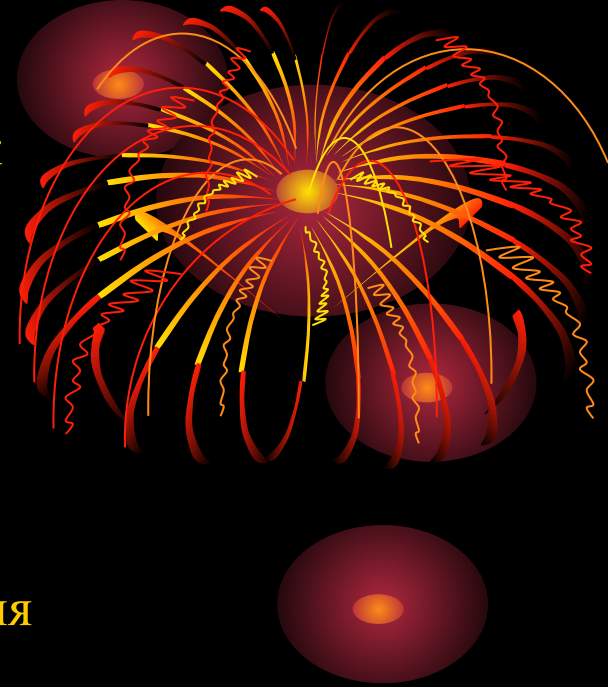
- С **1947** года С **1947** года жил в Вильнюсе С **1947** года жил в Вильнюсе. Сменил много профессий. Был грузчиком, шофёром, киномехаником, конторщиком, заведовал магазином промышленных товаров. В **1952** С **1947** года жил в Вильнюсе. Сменил много профессий. Был грузчиком, шофёром, киномехаником, конторщиком, заведовал магазином промышленных товаров. В **1952—1956** годах С **1947** года жил в Вильнюсе. Сменил много профессий. Был грузчиком, шофёром, киномехаником, конторщиком, заведовал магазином промышленных товаров. В **1952—1956** годах работал в редакции ежедневной газеты «Советская Литва» С **1947** года жил в Вильнюсе. Сменил много профессий. Был грузчиком, шофёром, киномехаником, конторщиком, заведовал магазином промышленных товаров. В **1952—1956** годах работал в редакции ежедневной газеты «Советская Литва»[2] С **1947** года жил в Вильнюсе. Сменил много профессий. Был грузчиком, шофёром, киномехаником, конторщиком, заведовал магазином промышленных товаров. В **1952—1956** годах работал в редакции ежедневной газеты «Советская Литва»[2]. Был заведующим отделом литературы и искусства. В Вильнюсе вышел его первый сборник рассказов «Подснежник» (**1956** С **1947** года жил в Вильнюсе. Сменил много профессий. Был грузчиком, шофёром, киномехаником, конторщиком, заведовал магазином промышленных товаров. В **1952—1956** годах работал в редакции ежедневной газеты «Советская Литва»[2]. Был заведующим отделом литературы и искусства. В Вильнюсе вышел его первый сборник рассказов «Подснежник» (**1956**) и последующие сборники повестей и рассказов «Седой тополь»

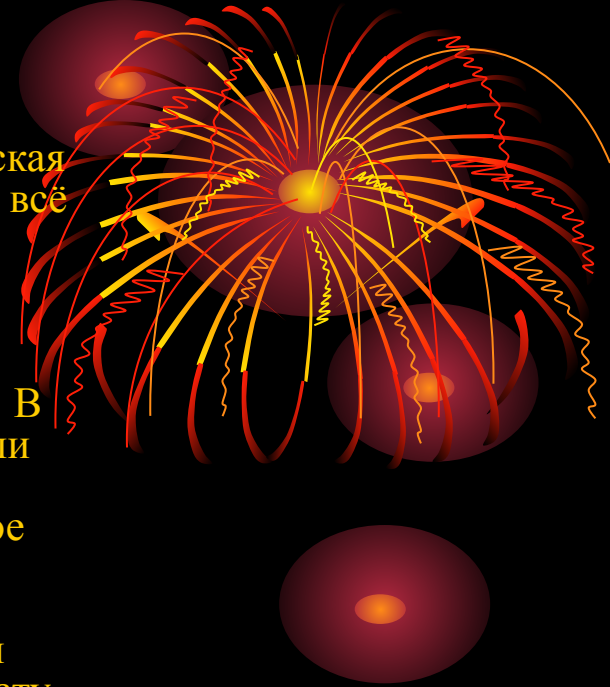
- “Удел всех”
- О повести Константина Воробьёва «Это мы, Господи!..»
- Повесть Константина Воробьёва «Это мы, Господи!..» уникальна. Не только тем, что написана за тридцать дней в условиях подполья в оккупированном немцами Шяуляе. Не тем, что отразила страдания, которые довелось испытать лейтенанту Воробьёву в фашистском плену на собственной шкуре. И даже не тем, что, написанная в **1943** году, предложенная в первый послевоенный год «Новому миру» и отвергнутая им, была напечатана лишь в **1986** году. Уникальность повести Константина Воробьёва в другом. Это единственное в нашей военной прозе произведение, целиком посвящённое судьбе русских солдат в условиях немецкого плена. Плена, от которого, учитывая статистику, как от сумы и от тюрьмы, зарекаться не следует никому. Ибо это, как скажет в повести автор, “удел всех”.

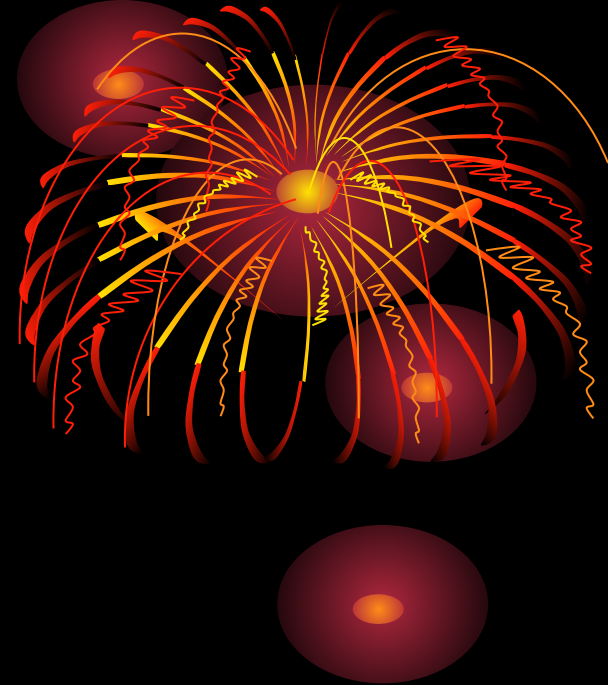
- Горечь этого удела отражена уже в эпитафии к повести, взятом из «Слова о полку Игореве»: “Луце жь бы потягу быти, неже полонёну быти”. Жребий “полонённого” хуже доли убитого не только из-за пресловутого клейма бесчестия, ощущаемого воином, попавшим в плен (мёртвые, как известно, сраму не имут), которое в контексте изображаемой эпохи превращалось в тавро изменника Родины, предателя, невольно обрекающего на страдания и неповинных родственников. Судьба военнопленного — советского в особенности! — это мучительная жизнь, каждый день которой воспринимается как последний, приближающий к жуткой, бесславной, безвестной гибели.

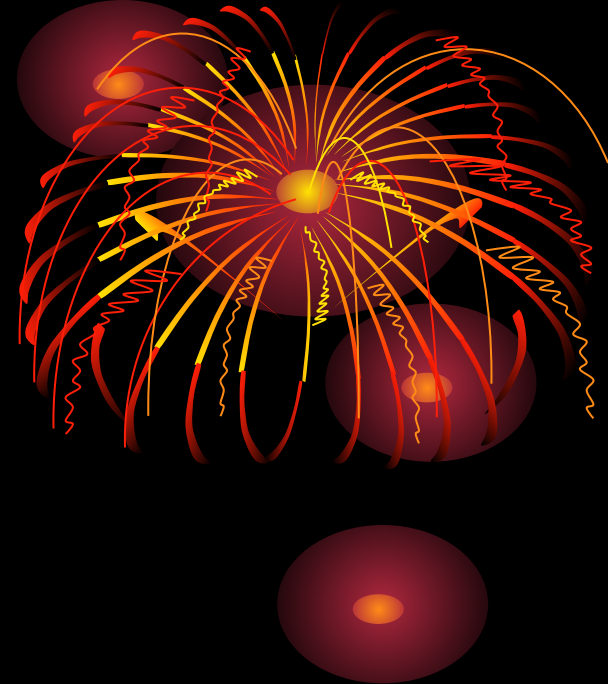
• . “Это была какая-то вакханалия жестокости, какая-то адская фантазмагория, совершаемая нелюдями, которым застила всё кровавая пелена — и зрение, и совесть, и душу, и всё человеческое”, — пишет об атмосфере плена в повести Вячеслав Кондратьев². Эту зловещую атмосферу автор воспроизводит с первых глав повествования. “...Злоба вымещалась на голодных, больных, измученных людях... В эти дни немцы не били пленных. Только убивали! Убивали за поднятый окурок на дороге. Убивали, чтобы тут же стащить с мёртвого шапку и валенки. Убивали за голодное пошатывание в строю на этапе. Убивали за стон от нестерпимой боли в ранах. Убивали ради спортивного интереса, и стреляли не парами и пятёрками, а... целыми сотнями. <...> Трудно было заблудиться немецкому солдату. <...> Путь отступления его однокашников обозначен страшными указателями. Стриженные головы, голые ноги и руки лесом торчат из снега по сторонам дорог. Шли эти люди к месту пыток и мук — лагерям военнопленных, да не дошли, полегли в пути в мягкой постели родной страны...”
Перед нами реквием автора по “миллионам его однобедцев

- Герой повести Сергей Костров проходит те же круги ада, что и автор. Каждому кругу соответствует своя особая интонация. О ржевском лагере (глава третья) повествование ведётся с мрачной торжественностью, “беспощадно и откровенно”: “По открытому, ничем не защищённому месту гуляетаукает холод, проносятся снежные декабрьские вихри, стоная и свистя в рядах колючей проволоки, что заключила шесть тысяч человек в страшные, смертельной хватки объятия. <...> Почему в этом строгом квадрате, обрамлённом следами колючки, в декабре ещё нет снега? Съеден с крошками земли холодный пух декабрьского снега. Высосана влага из ям и канавок на всём просторе этого проклятого квадрата! Терпеливо и молча ждут медленной, жестоконеумолимой смерти от голода советские военнопленные...”

- Рассказ о лагере на окраине Смоленска (глава шестая) пропитан горечью сарказма: “Это уже было образцово показательное место убийства пленных. В самой середине лагеря, как символ немецкого порядка, раскорячилась виселица. Вначале она походила на букву «П» гигантских размеров. Но потребность в убийствах росла, и... к букве «П» решено было приделать букву «Г», отчего виселица преобразилась в перевёрнутую «Ш». Если на букве «П» можно было повесить в один приём четырёх пленных, то новая буква вмещала уже восьмерых”. О саласпилском лагере командного состава «Долина смерти» (глава восьмая) сказано подчёркнуто сухо, внеш не бесстрастно, но это спокойствие безысходности, сухость арифметики смерти: “Четыре пулемётные вышки и шестнадцать ходячих часовых охраняют пленных. <...> Паёк пищи, выдаваемый пленным, составлял **150** граммов плесневелого хлеба из опилок и **425** граммов баланды в сутки... <...> Кусок хлеба в сто пятьдесят граммов разрезается на сто, двести долек. <...> Получит обречённый пайку, положит её около глаз — полежу, полюбуюсь, — да так и останется лежать навеки”.

- Но наиболее жуток эпизод садистского глумления над пленными в каунасском лагере “Г” (глава седьмая), где “были эсэсовцы, вооружённые... железными лопатами. <...> Ещё не успели закрыться ворота лагеря за измождённым майором Величко, а эсэсовцы с нечеловеческим гиканьем врезались в гущу пленных и начали убивать их. Брызгала кровь, шматками летела срубленная неправильным косым ударом лопаты кожа. Лагерь огласился рыком осатаневших убийц, стонами убиваемых, тяжёлым топотом ног в страхе метавшихся людей. Умер на руках у Сергея капитан Николаев. Лопата глубоко вошла ему в голову, раздвоив череп”. Обилие натуралистических деталей способно шокировать не только юных и неискущённых читателей повести, но и суровых фронтовиков.

